

Александр Сальников

Сам не видел,
Гомер рассказал.
Правдивый
пересказ «Илиады»

Александр Сальников
Сам не видел, Гомер рассказал.
Правдивый пересказ «Илиады»

<https://litres.ru/74655189>

SelfPub; 2026

Аннотация

Краткий пересказ "Илиады" Гомера своими словами и со своими мыслями, для тех, кому лень читать поэму полностью.

Александр Сальников

Сам не видел, Гомер

рассказал. Правдивый

пересказ «Илиады»

Сам не видел, Гомер рассказал.
Правдивый пересказ «Илиады»

Песнь первая. Язва. Гнев

Короче, дело было так. Автор поэмы, то есть, сам Гомер... Не Симпсон, конечно, не мультяшный, а другой, доисторический, из Древней Греции, который, как утверждают, был слепой и только ходил по городам да пел песни за подаяния. Короче, бомж, по-нашему. Так вот он вначале этой поэмы просит богиню... ну, типа Музу, – это у них богини такие. Всего у них было девять муз, все они дочери Зевса, верховного бога. Тогда у них было побольше богов, чем сейчас, веселей жили люди... Так вот просит Гомер эту богиню-Музу воспеть гнев Ахиллеса.

Кто такой Ахиллес? Ахиллес, он же Ахилл, он же Пелид, он же храбрейший и сильнейший из ахейских вождей, он

же быстроногий, он же сын царя Пелея (поэтому и Пелид) и морской богини Фетиды. Да, в то время боги и люди занимались совместным сексом и имели совместных детей, не то что теперь. Впрочем, и нам остался-таки с тех древних времён один сын бога от смертной. Вы его знаете... ну, или слышали о нём.

Короче, этот Ахиллес как бы считается центральной фигурой «Илиады», хотя в большинстве глав поэмы о нём вообще нет ни слова. Центральный, блин... Явно не он там центральный. Ну да ладно. Короче, просит Гомер Музу воспеть гнев Ахиллеса. А что это за гнев такой, что его надо воспевать?

Вот тут и начинается весь треш. Предыстория, короче, такая. Всё войско ахейцев (они же данайцы, они же аргивцы, они же кудреглавые), короче, когда они припёрлись в Трояду (ну, так называлась та страна, где Троя стояла, она же – Илион) и повоевали там немного, лет девять с гаком, у них в стане начался мор, эпидемия, короче. А чё вы хотите, девять с лишним лет жить на берегу моря возле кораблей без элементарных удобств. Гигиену плохо соблюдали, руки редко мыли, гадили, наверное, где попало. Медицина ещё плохо развита была. Короче, у них там то ли дизентерия с поносом, то ли ещё чего пострашнее началось. Умирили они один за другим. Кругом горы трупов лежали, и уже гнить стали, смрад там всякий. Ужас, короче. Птицы их жрут, собаки бродячие, разносят заразу по округе. Впрочем, пережившие пандемию

коронавируса поймут эту эйшен ситуэйшин.

Но ахейцы, конечно, про гигиену и прочее такое даже не думали. Они сразу поняли, в чём дело: этот мор, конечно же, навёл на них бог Аполлон (он же Феб). Древние, всё-таки, тёмные. Ну, как тёмные, сейчас тоже в бога верят и все беды на его волю сваливают, но это, как говорится, – другое. Так вот ахейцы думали, что это Аполлон своими стрелами уничтожал воинов. Видимо, стрелы у енго были отравлены ядом курары, или дизентерийной кишечной палочкой, или ещё какой заразой.

А чего на Феба-то подумали? Да потому, что он разозлился из-за своего жреца Хриза. Там у каждого бога были свои жрецы. В общем, почти как у нас сегодня. В этом плане мало что изменилось. Только богов поменьше стало. Что странно, ведь они бессмертные якобы.

А чё Аполлон разгневался из-за своего жреца? В общем, дело было так. Короче, ахейцы, как всегда, спокойно разоряли окрестные земли, грабили там добра разного и пленниц; ну и при очередном дележе добычи верховному царю и главному вождю ахейцев Агамемнону (он же Атрид, он же брат царя Минелая, мужа Елены, из-за коротой вся буча началась) досталась дочь этого самого жреца Хриза.

Ну старик Хриз, естессно, пришёл к предводителям просить, чтобы вернули ему дочь Хризеиду. Как положено, при-тащил с собой большой выкуп для обмена, не просто так, не с пустыми руками, типа: отдайте и всё, – я её папа. Нет, всё

честь по чести, с дарами, с уважением. Но Агамемнон – ни в какую, грубо отказал ему. Типа, раз я завоевал, значит моя, и всё! Будет наложницей!

Не, ну а чё? Даже сейчас в некоторых странах невест воруют. Понравилась, взял и украл. И всё. Раз я украл, значит моя. Железная логика дремучих людей. Разве вор украденное не считает своим? Считает! Вот и вояка завоёванное считает своим на полном основании. Трофей, типа. Все ж так живут.

Вобщем, умылся жрец со своими дарами. Ну, заплакал, конечно, от обиды, и ушёл ни с чем. Но это дело он так не оставил, а тут же пошёл и пожаловался своему богу, тому самому Аполлону, который Феб. Он ведь его жрец. Стал со слезами просить его о страшной мести. Типа: раз меня оскорбили, значит и тебя тоже, я же твой жрец, твой представитель на земле, и т.д. Ну, знаете, как это бывает: а ещё они обзывали тебя земляным черви́ком. Короче, задел бога за живое, надавил на самолюбие, на гордыню, куда там ещё давят... Тут Аполлон и разошёлся, разбушевался, аж смотреть страшно было.

Ну вот он со злости и наслал мор на ахейцев, стал уничтожать кого ни попадя. Естественно, не тех кто виноват, не самих царей, не Агаменнона, а простых воинов. Это всегда так: за всё отвечают стрелочники, поэтому у них самая ответственная работа. Так и началась у греков под Троей страшная эпидемия с дизентерией, поносом, болями, коликами,

рвотой, смертями и прочими прелестями.

Ну, цари стали репы свои чесать и думать: «как быть, что делать?». Воевать надо, а солдатики мрут ещё до поля брани, прямо в лагере. Вот тогда-то, прямо на совещании, при всех вождях Ахиллес и предложил Агамемнону отдать-таки жрецу его дочь.

Агамемнон, естественно, от такой наглости взбесился. Фигасе, говорит, у всех царей будет по законному трофею, по наложнице, а меня, главного царя, ты хочешь лишить трофея! Что за нафиг? Ну, вроде как прав, мужик.

Но и воинов жалко, гибнут они от заразы. Короче, ради здоровья ахейцев, согласился таки Агамемнон. Вообще, он был довольно уговорчивый мужик, адекватный. Только взамен потребовал для себя взять у Ахилла его пленницу Брисеиду. Не, ну а чё, критикуешь – предлагай, предлагаешь – делай, делаешь – отвечай! Хочешь лишить главного царя его законной пленницы, так и своей лишайся, отдай ему. Справедливо же? Компенсация какая-то должна быть.

Но свою пленницу Ахилл отдавать не хотел. И тоже ведь прав, не из-за неё же у них там короновирус случился, или дизентерия, или чего там у них было, мор, короче. В общем, тут-то Ахиллес с Агамемноном и поцапались чуть ли не до драки, рассорились вдрызг. Чуть не поубивали друг друга. Горячие южные парни. Пришлось даже богине Афине вмешиваться. Иначе поэма кончилась бы в самом начале. Многие студенты, кстати, были бы этим довольны.

Короч, в итоге Агамемнон как главный царь их тусовки и главнокомандующий всех ахейских войск забрал-таки себе пленницу у Ахиллеса, а свою вернул жалобщику жрецу. Ну и Феб успокоился, перестал мор насыщать на войско греков. Понос прекратился.

А вот Ахиллес не успокоился. Наоборот, разгневался по-полной. Обибелся так, что ваще отказался воевать за ахейцев. Да идите, говорит, вы все. Ушёл в свой стан, где стояли корабли команды, и не выходил боьльше оттуда со своими мирмидонцами к битвам, да и ваще никуда. Ну их всех с их войной, думал.

В принципе, парня тоже понять можно. Он на эту войну и итди-то не особо хотел. И воевал-то не за себя, а за них, за этих братков Атридов, у которых троянец Александр (он же Парис) умыкнул Елену, жену Менелая Атрида. А что в итоге? А в итоге Агамемнон Атрид забрал себе его законную пленницу. Конечно, обидно! Он её даже полюбить успел. Считай, любимую женщину отняли. Ну и что, что пленница и наложница? Ну и что, что он у неё родителей и всю родню убил, а её саму пленил? Её-то ведь не убил, а полюбил даже. Нравы тогда такие были, что поделаешь. Да и рассказывается про её родню не в первой песне, а потом, позднее, так, что можно пока и не обращать на это внимание.

Но, с другой стороны, сильнейший воин среди ахейцев отказывается воевать за ахейский народ из-за своей обиды на главного. Как сказали бы некоторые: «Из-за бабы»! Ещё

в русской песне энных времён пели: «Нас на бабу променял!...»?.. Тоже выглядит не очень красиво, прямо скажем. Так себе герой получается.

Так и этого мало. Он пошёл к берегу моря, и как тот жалобщик жрец, стал в слезах просить свою мать Фетиду (богиню, между прочем!), чтобы она уговорила Зевса (главного бога) отомстить ахейцам и Агамемному за такой позор. То есть, пожелал зла своим же однополчанам из-за обиды на их командира. Прямо скажем, поступок неразумного ребёнка. Гнев у него, видите ли! Разневался он.

Вот поэтому Гомер и называет его гнев неразумным, гибельным, губительным, пагубным, страшным. Потому что из-за этого гнева погибло больше ахейян, чем от поноса во время мора. Вот этот гнев Гомер и просит Музу воспеть.

Ну а мать есть мать, что с неё взять. Даже богиня остаётся матерью. Конечно, она обещала упросить Зевса, когда он вернётся от эфиопов: так как накануне тот улетел к ним на пир. Чем ещё заниматься верховному богу, как ни пировать да воевать?

Ну а пока Ахилл негодовал и гневался, ахейцы приготовили дорогие дары для жреца в качестве извинения, и с ними отправили пленницу Хризеиду назад к отцу. Предводил это посольство царь Одиссей. Он вручил дочь жрецу. Затем, совершив гекатомбу Фебу, ахейцы устроили праздник. Гекатомба – это жертва богам из многих животных, обычно из ста быков, но были и малые гекатомбы. Видя всё это, Апол-

лон на Олимпе веселился. Тогда он и прекратил истреблять ахейн мором.

Через двенадцать дней, когда боги во главе с Зевсом вернулись на Олимп, Фетида таки-упросила Зевса помочь Ахиллесу отомстить. Вообще-то, Зевс не очень хотел этим заниматься (кому нужны чужие напруги?), но всё же обещал, так как раньше Фетида спасла его от заговора богов против него. Так сказать, должок за ним был. Пришлось согласиться. А богиня Гера, жена Зевса, подслушала их разговор. Когда боги устроили пир на Олимпе (собственно, они этим занимались почти постоянно) Гера стала язвить Зевсу за то, что он секретничал с Фетидой, типа: «чего это вы там любовно шепались?». Тогда Зевс как цикнет на неё, типа: «молчи, женщина! Накажу!». Ну, и та успокоилась. Страшно же. Шибанёт молнией... Убить не убьёт: бессмертная же. Но покалечить может. Или превратит в корову. Бывали случаи.

После пирушки боги улеглись спать. Боги – спать!? Бессмертные? Вот это приколы. Устали пировать, бедные.

Песнь вторая. Сон. Беотия, или Перечень кораблей

Короче, боги и люди спят, а Зевсу не спится. Наобещал Фетиде отомстить за Ахиллеса, а чего делать, не знает. Думал, думал, потом додумался, призвал к себе Сон. Это тоже бог такой. У них там любая шняга – бог. Ну, и велит Сну лететь к Агамемнону и внушить тому, чтобы он с утра сам вёл

в бой войска ахейцев. Сон, короче, так и сделал, прилетел и внушил Агамемнону, что тот, типа, сам, даже без Ахиллеса покорит Троию. Так Зевс хотел подставить Агамемнона, сделать ему западло, чтобы тот понял, что без Пелида он так себе вояка.

Конечно же, Агамемнон поверил Сну. Как такому не поверить. Приснилось, что он – герой, покоритель Трои. Любой бы поверил... если бог велит. Ну, утром Агамемнон собирает всех вождей на совет и рассказывает им свой сон. Вот, типа, веский аргумент вам: мне это приснилось!

Ну да, говорит он царям, десятый год тут топчемся перед Троей на бережке, всё воюем да никак не завоюем; ясно, что все уже хотят домой, войска слабеют, ропчут. Понос ещё этот. А давайте-ка, типа, испытаем наше войско, говорит. Короче, решили так: Агамемнон якобы предложит всем возвратиться домой, а если армия согласится, то полководцы удержат её, выбрав войну до победы. Дурацкий план, конечно. Надо же до такого додуматься. Но из песни слово не выкинешь. Видимо, Агамемнон был тот ещё полководец. Не удивительно, что они там 10 лет топтались.

В общем, собрали всё войско. Кроме отрядов Ахиллеса, конечно. Те же по его приказу не воюют: геваться изволят. Ну, короче, собрали воинов и предложили им свой гениальный план. Понятно, что все решили скорей отчалить домой от этого гнилого бережка. Тем более, сразу после мора. Короче, умный Агамемнон чуть один под Троей не остался. Хо-

рошо, что вовремя вмешался Одиссей. Он при всех наглядно навешал хороших тумачков главному зачинщику и крикуну, желающему вернуться домой. Естественно, что у остальных желание кричать о возвращении мгновенно ушло в пятки.

Тогда Одиссей стал призывать всех сражаться с врагом, чтобы не возвратиться домой с позором. Естественно, все с радостью согласились воевать. А как же иначе. Тумачков от своих царей никто не хотел. Военное положение, всё-таки, могли и голову отрубить за подрыв боевого духа.

Короче, опять цари собрались на совещание, опять репы чешут. Тут Нестор предложил разделить всё войско на кланы (полки, отряды) по землячествам. Странно, не правда ли. Видимо, до этого девять лет они воевали неорганизованной толпой? Не менее странно то, что хитроумный и мудрый Одиссей за девять лет до этого не додумался, а домудасля старец Нестор.

Далее идёт самое замечательное и интересное место во всей поэме, которое никто не может пропустить и все читают это место всегда с невероятным удовольствием и воодушевлением. Это прекрасное место – длинный перечень ахейских кораблей, где говорится: какой царь, из каких земель, сколько привёл под Трою своих кораблей и сколько взял с собой воинов. Читается с наслаждением на одном дыхании, если вы вообще любите читать какие-нибудь перечни или бухгалтерские книги.

Итак, армия данайцев (они же ахейцы), наконец построи-

лась и двинулась на Трою (он же Илион), чтобы сразиться с мерзкими троянцами, которые смеют не сдаваться древним грекам уже десятый год.

Ну а в Трое в это время идёт собрание в доме Приама, старого царя Трои. Старого не в смысле бывшего, а в смысле, что он был уже стариком. Только и мог, что совещаться. Вообще, любят цари это дело, – совещаться.

Тут вбегает дозорный Полит (а на самом деле это была вестница Зевса Ирида в образе Полита), короч, вбегает и говорит, что ахейцы идут. Надо же было Зевсу как-то свести два войска для битвы, вот он и послал Ириду в образе Полита. Это ясно. Не ясно другое. Где в это время был сам Полит, если он был дозорным? Спал ли он, покинул ли свой пост по нужному делу? Почему сам не мог сообщить? Были ли другие дозорные в Трое? Об этом Гомер нас не информирует. И это вызывает нездоровые вопросы. Ну да ладно, Ирида сообщила, и хорошо.

Понятно, что троянцы тут же тоже решают выступить из города навстречу врагу. Тут как раз нет ничего удивительного в том, что они не прятались в городе, а смело решили выйти. Они то ведь знали, что ахейцы уже девять с лишним лет не могут взять города. Причём, каждый троянский царь решает выйти отдельно со своей дружиной. И это без подсказки Нестора, что характерно.

Короче, армия троян выходит из ворот Трои навстречу поганым аккупантам ахейцам, которые уже десятый год разо-

ряют их страну. Первым выступил со своей дружиной великий воин Трои Гектор, сын Приама. Потом уж вышли все остальные. Тут тоже следует занимательный перечень всего троянского войска и их союзных войск, которые выступили теперь на сражение с ахейцами.

Песнь третья. Клятвы. Смотр со стены. Единоборство Александра и Менелая

Далее Гомер рассказывает о том, как ахейская и троянская армии готовятся к бою.

От троянцев вышел вперёд Парис (который Александр и один из младших братьев Гектора) и крикнул, чтобы храбрейший из данайцев сразиться с ним. Это как в любой драке кодла на кодлу выходит их топлы какой-нибудь шибздик-задира и провоцирует всех. Тут только масштабы поболее, царские.

А Мненлай (брат Агамемнона), только увидел этого Александра (который Парис), так сразу и бросился на него. Это же он, Александр увёл у Менелая его жену Елену, а тут ещё орёт, типа: «кто может с ним сразиться, выходи, порву, как Тузик грелку?». Ясно, что Менелай не удержался. Понять мужика можно.

Но, увидев Менелая, Александр мигом смазал пятки жиром и нырнул обратно в толпу троянцев. Кто его знает, на что способен разгневанный рогатый муж. Такой одними ро-

гами забодать может. Короче, Александр на всякий случай отступил. Мало ли что.

Тогда Гектор стал упрекать его, типа: «ну чё ты, брат, то кичишься, на бой вызываешь, то трусишь, прячешься, наш царский род позоришь?». Застыдил, короче. Парису ничего не оставалось, как согласился на поединок. Ща, говорит, выйду на бой, ты только, брат, войска успокой.

Короче, Гектор стал устраивать поединок, чтобы настоящий и бывший мужья Елены (Парис и Менелай) сошлись между войск, честно сразились и навалили друг другу. Ну, как навалили, — до смерти, конечно.

Сама же Елена в это время спокойно сидела и вышивала на ткани подвиги героев войны. Были же подвиги-то за девять прошедших лет. Или стояла: они тогда и стоя вышивали, если полотно было большое и натянуто на станке. Гомер тут не уточняет. Вышивает, короче, когда всё войско вместе с новым её молодым мужем выступило сражаться возле города. Ничего же интересного.

Тут всё та же вестница Ирида принимает облик Лаодики, золовки Елены, и оповещает её о поединке. Она, оказывается, и знать не знала, что все мужики города на войну ушли. Видимо, они старались не шуметь, на ципочках тихо ушли. Короч, Ирида призывает Елену пойти, посмотреть поединок её мужей. Ну, та идёт, куда деваться. Да и интересно всё-таки.

Пришла она, значит, к Скейским воротам Трои. Над ни-

ми на стене уже собрались троянские старцы. Стены городов в то время были толстыми, типа Китайской стены, по ним свободно можно было хоть на лошади скакать. А уж ходили по стенам городов и вовсе свободно можно было. Оттуда наблюдали и за врагами. Вот старики и собрались на стене над воротами. Им тоже интересно было войнушку посмотреть. Телевизоров-то не было, да и прочих развлечений не так много. Ни радио, ни книг ещё не изобрели. Из развлечений только войны были да секс. Вот и развлекались. Ну ещё попеть, попить да поплясать. Да аэды типа Гомера разные байки рассказывали. Всё, пожалуй.

Только пришла Елена, значит, как подозвал её к себе царь Приам, новый её тесть. Ну-ка, говорит, дочка, называй-ка мне имена тех ахейцев, на кого укажу. Стал он указывать со стены на ахейцев, которые его заинтересовали, а она говорила, кто это, и рассказывала о каждом, что знала.

А на поле боя герои не спешили с поединком. Перед битвой решили принести жертвы богам и поклялись, что победитель заберёт себе Елену и всё её богатство, и на этом война прекратиться.

Наконец, началась битва между Менелаем и Парисом. Естественно, взрослый мужик Менелай побеждает себялюбивого молодого Париса. Он сразу сшиб его с ног и потащил за гриву шлема к ахейскому войску как нагадившего котёнка.

И что бы вы думали? Хана Парису? Делаем ставки на

его судьбу! Проигрывает тот, кто начинает мыслить разумно. Потому что вмешиваются боги! А там, где боги, разум молчит. В общем, Афродита вдруг уносит Париса домой в Трою. Потом богиня зовёт домой Елену и там оставляет их наедине в спальне. Бинго! Война и секс! А вы чего-то другого ожидали? Как можно тут ожидать чего-то другого?

У ахейцев, конечно, случился когнитивный диссонанс. Они вроде бы понимают, что выиграли, но в то же время видят, что нет никакого выигрыша. Их сделали, как лохов. Как же так? Агамемнон требует выполнить условия поединка, вернуть Елену ахейцам и признать поражение. Наивный.

Песнь четвертая. Нарушение клятв. Обход войск Агамемноном

Тут читателей уносит на Олимп к богам. Там, на широком золотом крыльце сидели царь, царевич, король, королевич... Да не. На золотом крыльце дома Зевса, попивая божественный нектар, боги устроили совет. Боги тоже любят совещания. Зевс подтрунивает над Герой, ведь та покровительствует Менелая, а Афродита перед его носом нагло умыкнула Париса из рук Менелая, хотя его победа была очевидной.

Тогда Гера уговаривает Зевса, чтобы он позволил продолжить войну. Зевс соглашается с женой. Развлечение же. Он велит Афине сделать так, чтобы троянцы нарушили перемирие. А разве они ещё не нарушили, спрятав Париса?

Вопчем, Афина яркой звездой падает с Олимпа между войск. Потом она подстрекает Пандара выстрелить из лука в Менелая. Пандар ничтоже сумняшеся стреляет и ранит Менелая.

Видя кровь Менелая, Агамемнон испугался за брата, но тот говорит, что рана не серьёзная. Тем не менее, Агамемнон велит позвать врача Махаона. Но пока вокруг Менелая столпились вожди ахейцев, трояне пошли в наступление.

Агамемнон принимает командование на себя, как то велел ему Сон. Он обходит войска, ругает нерадивых вождей и хвалит готовых к бою.

Итак, начинается страшная сеча:

Блеск и звон мечей и копий,

Стуки шлемов и щитов,

Крики, стоны, люди, кони,

Стаи мечущихся стрел...

Короче, с обеих сторон гибнет много знаменитых воинов.

Песнь пятая. Подвиги Диомеда

Тут не очень интересно, просто идёт перечисление, кто кого убил. Как, знаете, в Библии перечисляют, кто кого родил. Ну, типа, Адам родил Каина, Каин родил Еноха, так дошло до Авраама, Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова, а уж Иаков родил всякого. Так и тут идут перечисления имён с той только разницей, что тут не рожают, а убивают. Типа:

Диомед убил Фегеса, Агамемнон убил Одия, Идомений убил Феста, и т.п., но с некоторыми подробностями, не так сухо, как в Библии.

Короче, многие герои погибли, и многие герои проявили себя. Больше всех отличился Диомед, т.к. больше всех поубивал врагов в этой битве. Его боевые подвиги тут и описываются.

А чего бы ему и не убивать врагов, если ему помогала сама богиня-воительница Афина. Когда Пандар ранил его стрелой в плечо, так Афина не только сама вылечила ему рану, но ещё и придала сил для сражения. Так-то любой бы воевал. Ещё Афина дала Диомеду наказ: бей всех врагов, кроме бессмертных богов; но если попадётся Афродита, то рази её мечом без жалости. Как вам такое? Мало того, что боги лично воевали в троянской войне наравне (ну, как бы наравне) со смертными, так ещё разрешают смертным бить других бессмертных, хотя знают, что те бессмертны.

Короче, Диомед начал тут валить врагов налево и направо, как деревья на лесоповале в Сибири; дофига поубивал, всех не перечислить, хотя имена многих Гомер указывает. Кому интересно, читайте поэму целиком.

Тогда Пандар с Энеем вскочили в колесницу и помчались на Диомеда. Схватились в драке, короче. Ну Диомед и убил этого Пандара, который раньше его ранил. А Энею каменюкой засветил в бедро так что тот чуть ноги не лишился. Да, камни тогда считались обычным оружием. Каменюкой и

убить можно. Ещё в 19 веке знали, что булыжник – оружие пролетариата. Он бы даже пришиб этого Энея насмерть, но его спасла его мать, богиня Афродита. Клёво иметь маму богиню, или папу бога. Хотя и папу олигарха иметь неплохо.

Но Диомед тоже не дурак. Он помнит, что Афина ему разрешила бить Афродиту, ну он и ранил богиню в руку, чтобы за сынка не заступалась. Убить-то её не убьёшь, богиня бессмертная всё-таки. Но бобо сделать можно.

Тогда Афродита со стонами передала сынка Энея для защиты своему брату, богу Аполлону, а сама полетела к папе Зевсу, чтобы пожаловаться, что её ранил подлый смертный древний грек.

Ну а чё папа? Пожалел, конечно. Дочь всё же. Ну-ну, говорит, не плачь, говорит, ты же девочка, говорит, ты же красавица, говорит, война – не твоё дело, говорит, не лезь лучше, пусть другие воюют.

А Диомед разошёлся, короче. И всё равно насаждает на Энея, видит, что тот ранен его каменюкой и труханул не слабо, отсупает. Но ничего сделать Диомед не может, Аполлон защищает Энея, а потом даже уносит его нафиг с поля боя в Пергамский храм. Это типа боги как санитары в Отечественную работали, раненых с поля боя уносили.

Там, в храме, боги, короче, лечить стали Энея. Ножку же ему бобо было, камешек попал в неё, синяк остался. Тогда Аполлон призывает воинственного бога Ареса, чтобы тот помог троянцам в битве.

Ну, Арес, короче, срывается и летит на помощь, крошит ахейцев как огурчики в салат. А тем временем и Энею боги ножку вылечили. Ну, как вылечили? Намазали какой-нибудь волшебной хренью, и всё тут же прошло. Короче, Эней вернулся на поле битвы, свирепый такой, вылеченный, и тут же убивает ахейцев Орсилоха и Крефона. А Гектор убивает Менесфа и Анхиала. Затем они оба, Гектор и Эней, убивают ещё много ахейцев. В общем, резня идёт по-полной. С обеих сторон живые в трупиков превращаются десятками.

Тогда Гера и Афина приходят на помощь ахейцам. Тут с помощью Афины, Диомед ранит и бога Ареса. Тот со стоном уносится на Олимп. И чё, думаете, он там делает? Да тоже жалуется папе Зевсу. Как и Афродита. Но та хоть девочка. А этот? Воинственный бог, якобы. Естественно, Зевс велит ему заткнуться и не ныть. Смертный его обидел, видите ли! Бог, вашу мамашу! Срамота! Но потом сжалился, – всё же сынок ведь. Повелел богу Пеану подлечить этого вояку.

Короче, все боги, учувствовавшие в битве, стали возвращаться на Олимп, в дом Зевса. Устали сражаться. Сколько можно, не смертные же!

Песнь шестая. Свидание Гектора с Андромахой

В общем, боги пока отдыхают, а битва всё кипит: смертные отправляют друг друга к бессмертному Аиду (это бог такой, загробным миром заведует).

Аякс Теламонид тут с криком прорвал фаланги троянцев и убил Акамаса. Диомед убил Аксила, Полипет убил Астиа-ла, и здесь снова идёт целый список убийств с именами, фамилиями, родословными и знаменательными датами. Как в «Ералаше»: тот этому – раз по голове, а другой тому – на мечом в горло, а третий второму как даст дубиной, потом этот тому – на, на! А тот ему – бац! А другой подскочил да как даст в рыло...

Тут Менелай (который рогатый муж красивой Ленкки, если вы забыли) хотел было убить Адраста, которого поймал, но тот взмолился, просил не убивать, взять в плен. Ну, там типа выкуп за него можно получить неслабый, разжалобил, короче. Менелай хотел уже было приказать, чтобы того от-вели к кораблям. Но тут подходит Агамемнон, и такой: ты чё, бро, мухоморов объелся? Стал слаб в коленках? Братва тут за твою Ленку мочится, а ты этих трояшек жалеешь? Короче, сам убил нафиг этого Адраста.

Ну, трояне тут немного все труханули и чуть не бросились бежать назад, в город. Не прёт чё-та битва. Без богов как-то хреново воевать. Тогда Гелен Приамид (один из сынов Приама, у того их было штук сто) посоветовал Гектору и Энею: ну вы хоть подбодрите нашу рать, вашу мать: побудите троян смелее биться перед стенами Трои, не позориться тут! А ты, Гектор, слетай-ка пока в город и призови всех троянок в храм Афины. Пусть молят богиню, чтобы помогла.

Короче, Гектор ободряет войска троянцев и союзников,

чтобы не ссали.

Тут Главк Гипполохид и Диомёд Тидид понеслись на колесницах друг на друга, чтобы сразиться насмерть в страшном кровопролитном бою. Съехались... но перед боем решились поболтать. Ну там, знаете, как бывает, типа: ты кто такой? Нет это ты кто такой? Короче, разболтались и узнали, что до войны их деды и отцы дружили. И чё теперь, как драться-то? Короче, не стали они драться. Наоборот, поклялись в дружбе, обменялись оружием (были бы телефоны, обменялись бы номерами), и даже дали слово не сходиться больше для битвы друг с другом в этой войне. Не, ну а чё, логично. Типа, ты моих однополчан мочи, а я буду твоих однополчан мочить. А мы с тобой друганы на век. Норм. На войне всякое бывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.